

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013. 546 с. [A. V. Zimmerling. *Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Word order systems in Slavic against the typological background]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 546 p.] ISBN 978-5-9551-0686-1.

Михаил Яковлевич Дымарский

Michail Ya. Dymarsky

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; dym2005@list.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; dym2005@list.ru

1. Общая характеристика книги. В истории изучения порядка слов можно проследить две линии. Одну из них можно с небольшой долей условности назвать грамматической: порядок значимых компонентов синтаксической структуры интерпретируется как строго языковая, грамматикализованная закономерность. Эта линия очевидным образом мотивирована известными фактами языков с фиксированным порядком слов. Мощный импульс ее развитию был придан в конце XIX в. открытием Я. Ваккернагеля, показавшего, что строгие закономерности расположения по крайней мере некоторых компонентов предложения отнюдь не ограничены пределами германской языковой группы. Вторую линию можно назвать коммуникативной — учение В. Матезиуса и его последователей об актуальном членении предложения. Эта теория объяснила общие принципы порядка слов не только в языках, где этот порядок не грамматикализован, но в языке вообще.

Вторая половина XX — начало XXI в. отмечены работами, где коммуникативная линия учитывает семантическую структуру предложения и текста: начиная с работ П. Адамца, Я. Фирбаса, Ф. Данеша, И. И. Ковтуновой до монографий Е. В. Падучевой [1985], О. Йокямы [2005] и Т. Е. Янко [2001].

Книга А. В. Циммерлинга предстает на этом фоне особым явлением. С одной стороны, автор, характеризуя свой метод как «модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимостей» (с. 13), последовательно учитывает существенные положения грамматической линии, в том числе генеративной теории, которая инкорпировала коммуникативные категории темы и ремы (топика и фокуса) в структуру предложения. С другой стороны, автор опирается и на достижения коммуникативной линии исследований порядка слов. Как попытка объединения этих линий книга представляет собой принципиально важный теоретический шаг.

Для общей характеристики работы важно оценить масштаб ее замысла. Автор пишет по поводу одного из сравнительно частных вопросов: «...описание скрэмблинга просто как множества разрешенных комбинаций линейных порядков, без учета отношения вершин и зависимых, структуры составляющих и механизма синтаксических перемещений, обедняет понимание этого явления» (с. 262). Описать системы порядка слов в славянских языках так, чтобы показать, что эта область поддается анализу точными методами и отнюдь не представляет собой хаоса, — в этом и заключается основная цель автора. Можно сказать, что она достигнута.

Более того,

- 1) работа охватывает все славянские языки, причем ряд из них охарактеризован весьма развернуто (болгарский, сербохорватский, чешский, словацкий, словенский, верхне-лужицкий, древнерусский, древнечешский);
- 2) помимо славянских, рассматривается более 100 языков мира (индоевропейских, австронезийских, афроазиатских и др., причем отдельным языкам — кавиненья, оне, кашибо-какатайбо, юго-восточный тепехуан, кашмири — посвящены особые параграфы);
- 3) книгу можно использовать в качестве компендиума сведений о системах порядка слов в языках мира, значительно превосходящего по информативности существующие обобщающие работы, которые опираются исключительно на предложенную Дж. Гринбергом шестичленную классификацию комбинаций из компонентов S, O, V и не затрагивают вопросов о размещении клитик¹.

2. Композиция книги. Локальные и глобальные правила. Типология систем порядка слов с клитками. Книга разбита на две части: «От объяснения к описанию» и «От описания к объяснению». В первой части автор представляет и развернуто обосновывает аппарат исследования, опираясь на широкий типологический фон. Вторая целиком посвящена славянским системам порядка слов.

Говоря о противопоставлении локальных и глобальных правил в грамматике, автор относит к первым схемы линеаризации именных групп и упорядочения цепочек клитик, а ко вторым — схемы линеаризации предложения в целом. За этим решением кроется напряженная полемика с отдельными утверждениями тех современных генеративистов, которые исповедуют идею «картографии синтаксических структур», заимствованную из работ середины XX в. — Е. Куриловича, Ж. Фуркэ и П. Дидериксена (так называемые табличные схемы предложения). «Новаторский момент в картографических теориях Рицци, — не без иронии отмечает Циммерлинг, — состоит в том, что табличные схемы расположения категорий предложения, мотивированные материалом конкретных языков, претендуют не только на роль дескриптивных описаний порядка слов в соответствующих языках, но на роль типичных иерархий синтаксических категорий на уровне Универсальной Грамматики (УГ). Поскольку же реально “картография” предложения в разных языках мира, как и следует ожидать, различна, Рицци и его сторонникам приходится постулировать большое количество разрешенных принципами УГ вариантов табличных схем, или, что то же самое, большое число разных позиций, доступных тематическим, рематическим, контрастивным, вопросительным элементам, местоименным клиткам, глагольным связкам и т. п. в языках мира» (с. 40). Из этого перечня очевидно, что разграничение локальных и глобальных правил порядка слов в концепции Л. Рицци не предусмотрено. Между тем учет одного только этого разграничения позволяет несравненно точнее описывать конкретные языки и группы языков. Поэтому нельзя не признать справедливым сомнение в том, «в какой мере табличные схемы, призванные объяснить материал нескольких языков, независимы от привлеченного материала: действительно ли они воплощают механизмы УГ или же они являются дескриптивными конструктами, призванными оправдать факты того небольшого числа языков, которые были учтены генеративистом-картографом» (там же).

Из сказанного вытекает и важнейшее ограничение, которое должен иметь в виду читатель, надеющийся, исходя из названия книги, найти в ней исчерпывающее описание систем порядка слов в славянских языках. Под этими системами в работе подразумеваются правила, регулирующие постановку клитик и упорядочение их в цепочки, а также ряд смежных явлений, например место глагола в предложении с перемещениями клитик, вызванными в конечном счете линейно-акцентными преобразованиями. Глобальных правил, регулирующих линеаризацию предложения в целом, подобных табличным схемам предложения в языках с фиксированным порядком слов (гл. 6), в славянских языках нет, поэтому и построить для них подобные схемы в реальности невозможно.

¹ См., например, [Gell-Mann, Ruhlen 2011; Dryer 2011; 2013].

Важнейшую роль в монографии играет созданная автором универсальная типология систем порядка слов с клитиками. Различаются пять типов:

- 1) **W-системы**, или языки с законом Ваккернагеля (с. 71); в славянском ареале к ним относятся древненовгородский диалект, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий языки и др. (с. 306, 311);
- 2) **W⁺-системы**, или языки с расширенным законом Ваккернагеля, где правила размещения сентенциальных клитик связаны с правилами размещения глагольных форм (с. 71); к ним относятся болгарский и македонский языки (с. 306, 311);
- 3) **W*-системы**, или «разрушенные W-системы» (с. 76); сюда относятся старославянский, древнерусский язык южных памятников, польский и, предположительно, кашубский (с. 309—311);
- 4) **V-системы**, или языки, в которых клитики локализируются в глагольной группе, «занимают контактное положение с глагольной вершиной» (с. 76);
- 5) **S-системы**, или коммуникативные системы; представлены современными восточнославянскими языками; цепочки клитик в таких языках отсутствуют (с. 124).

В дальнейших главах первой части вводятся и развернуто характеризуются важнейшие понятия развиваемой автором концепции: Правила Рангов² (регулирующие порядок клитик в цепочке), Правила Барьера (регламентирующие перемещения клитик из стандартной позиции), Правила Начальной Составляющей (регламентирующие ее состав и проницаемость для клитик) и ряд других.

Вторая часть монографии, посвященная непосредственно славянским языкам, также построена поаспектно. Такое решение не представляется оптимальным. После первой части ожидалась бы последовательность комплексных параметрических описаний группировок славянских языков в соответствии с разработанной автором типологией систем порядка слов. Автор избирает другой путь, и в результате каждый рассматриваемый параметр характеризуется заново. Отсюда — неизбежные при такой композиции повторы (ср. §§ 3.8.2 и 8.2, 3.13 и 8.5, 3.15 и 8.7). Можно полагать, что цель относительно полного описания славянских систем порядка слов автором и не ставилась, так как книга носит преимущественно теоретический характер; но тогда целесообразнее было бы назвать книгу иначе.

Относительно композиции заметим еще, что монография была бы более цельной, если бы автор предпочел опубликовать некоторые ее фрагменты отдельно. Так, интереснейший материал гл. 6 «Фиксированный порядок слов и табличные схемы предложения в некоторых языках мира» (с. 163—250) и его интерпретация самоценны, но в книге их функция сводится к констатации того факта, что к славянским языкам метод табличных схем неприменим. Почти то же относится и к гл. 7 «Свободный порядок слов и виды скрэмблинга в славянских языках» (с. 251—287). Важная в теоретическом отношении для общего замысла, глава все же в большей мере походит на небольшую монографию о скрэмблинге; во второй части книги понятия ближнего, локального, дальнего, неограниченного скрэмблинга и др. остаются практически невостребованными.

3. О теории барьеров. Главными же «героями» книги являются Правила Барьера. В предложенном А. А. Зализняком понятии А. В. Циммерлинг увидел теоретический инструмент, при помощи которого можно доказать, что с и с т е м ы порядка слов в славянских языках не миф, что они поддаются анализу точными методами и могут быть алгоритмизованы.

Цепочки клитик в рассматриваемых языках часто целиком или частями сдвигаются, оказываясь дальше «ваккернагелевской» позиции. На с. 385 автор придает этому известному наблюдению вид сильного теоретического тезиса: «языков, где клитики, имеющие фиксированное место в предложении, были бы полностью неподвижны, не бывает. Подвижность клитик в их синтаксической области — фундаментально важная характеристика». Этим обосновывается и важнейшая оппозиция базового и производного порядков слов.

² Здесь и далее прописные буквы используются в соответствии с оригиналом.

Сохраняя исходную трактовку барьера как точки «условного начала», возникающей в результате условного отчленения начальной части клаузы [Зализняк 2008: 48], Циммерлинг, однако, настаивает на том, что явление барьера носит не ритмико-синтаксический, а «чисто синтаксический» характер (с. 386). Это отражено в определении: «[Нехомскианский] Барьер — синтаксическая категория (синтаксическая вершина или полная группа), добавление которой в состав предложения меняет позиции отдельной клитики или цепочки клитик» (с. 387).

Трактовка барьера как ритмико-синтаксического явления применительно к материалу древнерусского языка содержала элемент гипотетичности, поскольку достоверная реконструкция просодии древнерусского предложения по меньшей мере проблематична. Отказываясь от просодического компонента в трактовке барьера и, соответственно, от элемента гипотетичности, исследователь тем самым берет на себя обязательство во всех случаях применения обсуждаемого понятия быть готовым доказать его «чисто синтаксическую» природу. Следует отдать должное смелости этого решения — тем более что именно с ним связан и ряд спорных моментов.

3.1. Типология барьеров без списка категорий? При ритмико-синтаксической трактовке список барьеров (который А. А. Зализняк [2008: 54—56] тем не менее приводит) закрытым быть не может. В частности, о факультативных барьерах А. А. Зализняк пишет: «Одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него» [Там же: 55].

Циммерлинг не только настаивает на синтаксической природе барьеров, но и значительно детализирует их классификацию. Опора на широкие типологические данные позволяет ему ввести пять оппозиций. Барьеры могут быть:

- обязательными vs. факультативными;
- слепыми vs. селективными;
- лексическими vs. нелексическими;
- грамматикализованными vs. коммуникативными;
- кумулятивными vs. привативными (с. 387—391).

При такой глубине разработки список категорий, способных играть роль барьера, более чем ожидаем (или отдельные списки по рассматриваемым языкам), и остается неясной причина его отсутствия в книге.

3.2. Обращение как барьер? Клауза и высказывание. Второй спорный момент связан с трактовкой обращения как обязательного барьера, в чем автор также следует за А. А. Зализняком. В качестве первого типа обязательных барьеров Зализняк называет «инородную актантную группу (обращение, междометие, вводное слово)» [2008: 54]. Под актантной группой автор понимает «каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову» [Там же: 15]. Если названные категории квалифицируются как «актантные группы», пусть даже инородные, то, согласно определению, они тоже должны быть прямо или опосредованно подчинены сказуемому: иначе они инородные, но не актантные. Такое подчинение, надо полагать, автором все же не подразумевается (иначе не было бы характеристики «инородные»), но соответствующих пояснений нет.

Категории обращений, междометий и вводных слов целесообразнее, с нашей точки зрения, интерпретировать в качестве коммуникативного эскорта высказывания, а не актантных групп, которые не могут не быть компонентами клаузы. Последнее понятие используется А. А. Зализняком и А. В. Циммерлингом расширительно, хотя такое намерение и не декларируется. Клауза, определяемая как грамматическая структура (ср. в [Тестелец 2001: 256]: «группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линеаризации этой же структуры. Границы этой линеаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это

означает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. Такое понимание прямо противоречит определению клаузы, из которого эксплицитно исходит создатель теории барьеров [Зализняк 2008: 12]. В то же время и линейная структура высказывания не может быть интерпретирована просто как линеаризованная структура клаузы: она представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры — коммуникативной, включающей не только линейно-акцентные преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного эскорта. Эти позиции, где бы они ни оказались, в отличие от линейно-акцентных преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно (подробнее см. [Дымарский 2016]).

Неразграничение клаузы и высказывания влечет и другие спорные решения: например, включение в табличную схему предложения языка кашмири отдельной позиции для вынесенного влево топика — *TOP* (с. 189), а в табличную схему английского предложения — позиции с вариативным наполнением *Adv1 Top* (с. 214—239), в то время как табличные схемы предложений в датском (с. 166), немецком (с. 176—177), оне (с. 240), румынском (с. 250) подобных позиций не предусматривают. Очевидно, что в высказываниях на языках за пределами кашмири и английского топик может присутствовать в крайней левой позиции не менее регулярно (что фактически и признается на с. 188). Возникает предположение, что причина различия в подходе к позиции *TOP* в том, что материал таких языков, как датский или немецкий, позволяет совместить позицию *TOP* с более общей начальной позицией (тематической по коммуникативной природе) и указать ее наполнение с точностью до морфологической/синтаксической категории, а материал кашмири или английского — нет. Но это предположение не оправдывается: см., например, применительно к датскому языку с. 166, к немецкому — с. 174—177.

В примерах из кашмири (29—34) первую позицию, как и в немецком, занимает «произвольная категория» *XP* (с. 184—187), но в примерах 35—38, 40—42 на с. 187—193 слева от *XP* возникает еще один компонент, который Циммерлинг, опираясь на анализ Р. Бхатта³, трактует как «топикализированный элемент» (с. 187—188). Характеристика этого компонента не вполне прозрачна. Во-первых, о нем сообщается, что обычно он «имеет коммуникативный статус Ремы или контрастной Темы» (с. 187): если это топикализированный элемент, то непонятно, при чем здесь рема. Во-вторых, утверждается, что «элементы, занимающие *TOP*, не относятся к той же самой синтаксической области, где стоит финитный глагол» (с. 187—188). Это хорошо согласуется с примером 37, где соответствующий элемент означает ‘конечно’ (с. 188), но вызывает недоумение применительно к примерам 40, 42, где в этой же позиции оказывается личное имя деятеля в эргативном падеже: напомним, в синтаксическую концепцию, реализуемую в книге, входит представление о подчинении всех актантов предикату, следовательно, компонент с функцией агенса не может трактоваться как находящийся за пределами «синтаксической области, где стоит финитный глагол».

В итоге трудно избавиться от назойливой догадки, будто понятие вынесенного топика потребовалось Р. Бхатту для того, чтобы «спасти» характеристику кашмири как языка с последовательным ограничением *V2* (грамматикализованное требование второй от начала предложения позиции глагола): если агенс в эргативе является топикализированным элементом, то он тем самым трактуется как коммуникативный барьер и при подсчете места финитного глагола в линейной структуре «клаузы» не учитывается. Однако подобная интерпретация не убеждает.

3.3. Детерминант в роли барьера. Третий спорный момент в теории барьеров связан с примерами вида (см. анализ на с. 446—450):

³ Параграф 6.4. «Язык кашмири: синтаксические ограничения и локальные правила» целиком опирается на материал работы [Bhatt 1999].

- (1) Ны^н же бр^ате се^в весны помози на (Ипатьевская летопись, 1151 г.);
- (2) Ны^н же ѿ^ѿце того всего каюса пре^а Бѣ^ѣ и пре^а тобою (Ипатьевская летопись, 1150 г.);
- (3) ѿнѣ же нынѣ ворогѣ ми сѧ оучинилѣ (Ипатьевская летопись, 1196 г.).

Первую/вторую позицию обстоятельственного компонента *нынѣ* в (1)—(3) невозможно объяснить как результат линейно-акцентного преобразования некоторого исходного порядка: порядки с начальной позицией этих элементов как раз и являются исходными (обращения не в счет, а перемещения *нынѣ* относительно остальных элементов клауз дают явно маркированные варианты). В терминах, предложенных в свое время Н. Ю. Шведовой, это означает наличие в (1)—(3) темпоральных детерминантов. Не используя этого понятия, Циммерлинг применительно к (1) приходит к выводу, что «начальную группу типа *Нынѣ=же*, отделенную длинными синтаксическими группами от последующей части предложения, не следует принимать во внимание вообще» (с. 447—448). В этой формулировке, правда, не вполне ясно, что является решающим условием для признания нерелевантности «группы»: ее тип или ее отделенность от остального предложения «длинными синтаксическими группами». Зализняк, также не пользуясь термином «детерминант», посвящает подобным примерам особый параграф [2008: 98—102].

Предметом авторского внимания в примерах (1)—(3) является разрыв гипотетических цепочек клитик: **=же=на* (1), **=же=ся* (2), **=же=ми=ся* (3). Смысл анализа — опровергнуть предположение, что исходный порядок слов в подобных случаях обязательно содержит цепочку без разрывов (с. 447). Действительно, реконструкция исходных порядков без разрывов гипотетических цепочек для (1)—(3) проблематична, и нельзя не согласиться с автором в том, что «в общем случае не может быть уверенности, что у кластеризуемых клитик нет иных функций в предложении, кроме как стоять в цепочке контактно в коммуникативно немаркированных предложениях при базовом порядке слов» (с. 446). Но удивление вызывает тот факт, что применительно к детерминантам, то есть к такой синтаксической категории, которая, в отличие от обращений, является компонентом структуры предложения и хорошо охватывается определением барьера, предлагается именно то решение, которое было бы вполне обоснованным по отношению к «инородным актантным группам».

Показательно, что в цитированных контекстах автор пользуется термином «предложение», а не «клауза». Пояснений нет (хотя обычно автор очень внимателен к терминологии); между тем здесь напрашивается разграничение предложения и клаузы, подобное разграничению предложения (как модели, грамматического субстрата) и высказывания. Создается впечатление, что речь идет об отделенности детерминанта как компонента предложения от клаузы, актантом которой он не является, потому что — по определению Н. Ю. Шведовой [1964] — детерминант подчинен не глаголу, а предикативному ядру в целом (\approx клаузе) и является не присловным, а «присхемным» распространителем. В таком случае имеет смысл вернуться к вопросу, какой синтаксической области принадлежат цепочки клитик (он очень бегло обсуждается на с. 104—106): может быть, целесообразно ограничить эту область именно клаузой (и в таком случае клитики ориентированы прежде всего на ее вершину), в структуру которой детерминанты не входят — так же, как не входят в нее и элементы коммуникативного эскорта. Может оказаться целесообразным принять триаду «клауза» (в строгом соответствии с определением Я. Г. Тестельца) — «предложение» (= клауза + факультативные сирконстанты и детерминанты) — «высказывание» (= предложение + линейно-акцентные преобразования + коммуникативный эскорт).

Принятие подобной триады позволит, в частности, сделать более осмысленным и применение трансформационного критерия. В связи с обсуждением примера (1) Циммерлинг пишет: «Если же неначальное обращение *brate* просто до б а в л е н о в предложение без обращения *Нынѣ=же=на* сея весны помози, деривационные отношения в паре предложений *Нынѣ=же=на* сея весны помози \Rightarrow *Нынѣ=же=на* сея весны помози + [_{vocP} *brate*] не удовлетворяют трансформационному критерию» (с. 447; выделение автора; *VocP* = vocative

phrase, группа обращения). Очевидно, что такое применение трансформационного критерия возможно только при отождествлении линейной структуры высказывания и линеаризованной структуры клаузы (ср. выражение «пара предложений» в приведенной цитате). Между тем, если смотреть на материал с изложенных выше позиций, понятие трансформации следует признать применимым только к некоторым из уровней структуры, и вопрос, удовлетворяет ли данная «пара предложений» трансформационному критерию, снимется сам собою.

Таким образом, развитие учения Зализняка составляет крупное достижение Циммерлинга, хотя положения этой теории заслуживают дальнейшего обсуждения.

4. Постулат о базовом порядке слов в русском предложении. В § 7.5 «Линейно-акцентные преобразования и базовый порядок слов», обсуждая возможность построения для С-систем полного и непротиворечивого исчисления членов коммуникативной (к-) парадигмы предложения, автор отдает предпочтение подходу И. И. Ковтуновой, Т. Е. Янко и др., считающих невозможным рассматривать порядок слов в отрыве от коммуникативной функции. Однако при этом подходе оказывается, что к-парадигма предложения может включать более одного нейтрального (\approx исходного, базового) варианта. Видя в этом противоречие, автор считает «необходимым дополнить концепцию линейно-акцентных преобразований постулатом о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого» (с. 268). Ниже автор делает важное примечание: «Минусом такого решения является то, что предложения типа рус. \wedge Черемуха \wedge цвела, \wedge Звезды \wedge светили и т. п. менее частотны и требуют особого контекста, в то время как нерасчлененные варианты типа рус. \circ Цвела \wedge черемуха, \circ Светили \wedge звезды более частотны и естественны для высказывания с данным составом лексем. Однако синтаксическая теория не должна при решении вопроса о производности/непроизводности предложения опираться на частотность употребления грамматически правильных комбинаций и на лексическую семантику слов, в них встречающихся» (с. 269).

Отказ от опоры на лексическую семантику означает и отказ от учета семантического типа предиката, а это, в свою очередь, равносильно отказу от учета семантики предложения в целом. Между тем семантический тип предиката герп. семантический тип предложения естественным образом связаны с базовой функцией последнего в тексте/речи. Взаимодействие этих факторов определяет и базовый порядок слов. Предложения типа *Цвела черемуха* представляют собой неполные реализации модели, вводящей новую информацию о некотором событии (*В Китае состоялась новая встреча «нормандской четверки»*), о состоянии окружающей среды (*В садах цветут яблони*) или некоторого субъекта (*У крана не работает тормоз*), и отличаются семантической слабостью предиката⁴: сказуемое способно функционировать как имя ситуации только с именем агенса/экспериенцера, которые в русском языке при таких предикатах кодируются номинативом и приобретают статус подлежащего⁵. В результате возникает двухуровневая предикация, так как вершинный носитель предикатируемого признака в таких предложениях не совпадает с подлежащим и вынужденно кодируется иначе: как локатив или как косвенный субъект. Валентности предикативных групп *состоялась встреча, цветут яблони* на локатив (*где?*) и *не работает тормоз* на субъект (*у кого?*) являются обязательными: в их основе лежит обязательность семантического субъекта при семантическом предикате. Предикативное отношение высшего уровня реализуется актуальным членением, низшего — предикативной группой.

Поэтому для предложений этого типа базовым является именно данный порядок слов (что было показано еще в [Ковтунова 1976]), исходный вариант их к-парадигмы в нотации рецензируемой книги может быть представлен как (4).

⁴ Это типичное свойство переходных глаголов, но в данном случае речь идет о непереходных.

⁵ Что согласуется с общей стратегией кодирования семантических ролей в русском языке, в отличие от *иметь*-языков, где эта роль кодируется (глубинным) аккумулятивом: *I've got my head screwed on, I had my leg cut off*. Заметим, что и здесь возникает вторичная предикация.

(4) [TopicP Loc/PrepP] [FocusP V_{fin} NP]

По отношению к подобным предложениям принятие постулата о препозиции подлежащего сказуемому при базовом порядке слов является очевидным насилием, и дело отнюдь не в их широкой употребительности, а в их природе. К тому же круг неэлементарных моделей с двухуровневой предикацией и специфическим базовым порядком слов в русском языке отнюдь не исчерпывается разобранными примерами (см., в частности, [Дымарский 2007]).

5. Использование терминов. Теоретическая строгость предполагает терминологическую точность и последовательность. В связи с этим в некоторых случаях при чтении книги возникают сомнения.

5.1. Парентеза. § 3.1.3 называется «Парентетические вставки и типы клитик», и подобное употребление прослеживается на протяжении всей книги. Под парентезой принято понимать именно вставки. Если это простая тавтология, то в одном ряду с ней находится и выражение «предикативное предложение (clause)» (с. 163). Однако в ряде случаев автор квалифицирует в качестве парентез принципиально иные синтаксические категории: приложение (с. 302, пример 13; с. 460, пример 42), придаточное предложение (с. 302, пример 14), детерминант «рано или поздно» (с. 459, пример 38). Можно предположить, что автор исходит из некоторого нетривиального представления о сущности парентезы (вставки) — например, из фонетического. Если это так, автор был обязан уведомить об этом читателя.

5.2. Составное глагольное сказуемое. Во многих случаях (с. 57, 96—97, 137, 261—262, 472, 480, 483) автор рассматривает в качестве «полипредикатного комплекса» стандартное составное глагольное сказуемое. Такое понимание согласуется с определением Клаузы Я. Г. Тестельца и соответствует принятому во многих работах (ср., например, [Летучий 2014]). Но на с. 165 неожиданно выясняется, что в системе автора представлены и такие понятия, как «финитный и нефинитный компоненты составного глагольного сказуемого»! Такое разнообразие интерпретаций материала, в частности, ставит под вопрос убедительность утверждений, связанных с параметром Clitic Climbing, «разрешающим/требующим выноса клитик из зависимой предикации в главную» (с. 97), так как во многих случаях «зависимая предикация» — это просто группа инфинитива в рамках составного глагольного сказуемого.

5.3. Обращение. На с. 407, разбирая пример из Ипатьевской летописи: *Товѣ вы брате любо ли а выдохъ мы бра^т твоего держали*, — автор отмечает: «Здесь частица =бы, являющаяся наиболее поздней из клитик-частиц, остается во второй позиции, разрывая начальную группу обращения *тобѣ брате* ⇒ *тобѣ=бы брате*». Между тем «начальной группы обращения» здесь нет, есть одиночное обращение и субъектный датив *тобѣ* — аргумент безличного предиката *любо*, но никак не обращения. Согласиться со столь расширительной трактовкой понятия обращения невозможно.

Заключение. От предложений с барьерами — к лингвистике без барьеров. В отдельных случаях вопросы или сомнения возникают в связи с анализом примеров и/или квалификацией языковых фактов. Кроме того, любого читателя, который возьмет в руки эту замечательную книгу, следует предупредить о том, что его ждут бесчисленные недоработки корректора. Однако все это мы опускаем, и не столько потому, что перечень замечаний получился и без того пространным, сколько потому, что цель рецензента в принципе иная.

Помимо перечисленных выше, книга А. В. Циммерлинга обладает еще одним важным достоинством. Авторская теоретическая платформа, как уже указывалось, представляет собой «модифицированную грамматику составляющих с элементами грамматики зависимостей». Во Введении автор пишет о своих лекциях и докладах в разных аудиториях и странах: «Сразу обозначилась проблема метаязыка. Часть аудитории воспринимает данные языков мира и лингвистические модели только с позиций той теории и ее терминов, к которым они приучены, и неспособна изложить те же наблюдения и выдвинуть эквивалентные гипотезы в иной системе терминов и исходных понятий. Другая часть до определенной степени готова заниматься пересчетом научных идей из одной системы понятий в другую, но при

этом требует, чтобы привычные им термины были употреблены именно в тех значениях, которые они имеют в отстаиваемых лично ими теориях» (с. 11).

Проблема метаязыка — и, естественно, теоретических предпочтений — особенно остро стоит сейчас в отечественном языкознании. В Москве и Петербурге выросло уже второе поколение блестящих лингвистов, ориентирующихся примерно на тот же круг теоретических постулатов и принципов, что и автор рецензируемой книги. Эта группа (назовем ее «первой») не слишком многочисленна, но весьма авторитетна. Большинство же отечественных грамматистов (назовем их «второй» группой), как и в 1970-е гг., не имеет практически никакого представления ни о генеративизме, ни о различных течениях внутри него и ответвлениях от него и т. п. К сожалению, первые мало заботятся о том, чтобы быть понятыми вторыми, делая вид (вероятно, неосознанно), что до тех теорий, которые их вдохновляют, никакой лингвистики вообще не было. Достаточно, например, ознакомиться со списком литературы в [Летучий 2014], где самые ранние работы относятся к 1977 г., большинство же — к новому веку, как будто в трудах десятков отечественных языковедов XIX—XX вв. ничего существенного о переходности не было сказано. Неудивительно, что «вторые» от подобных работ отворачиваются, — а это во всех отношениях плохо. В то же время они делают вид, что за пределами отечества почти ничего заслуживающего внимания в грамматике не делается (за исключением нескольких широко известных книг); неудивительно, что и «первые» не читают «вторых», что точно так же плохо. Перед нами еще один барьер — на этот раз совсем другой природы.

Книга Циммерлинга замечательна еще и тем, что она написана человеком, который стремится преодолеть этот барьер и быть понятым любым читателем. Остается пожелать читателю не откладывать знакомство с этой книгой в долгий ящик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дымарский 2007 — Дымарский М. Я. *Это / N_i V_j*: К понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 159—171. [Dymarskii M. Ya. *Eto / N_i V_j*: On the notion of the speech syntactic model. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysina*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007. Pp. 159—171.]
- Дымарский 2016 — Дымарский М. Я. Обращение и теория барьеров // Вестник Новосибирского государственного педагогического ун-та. 2016. № 6. С. 150—163. [Dymarskii M. Ya. The address and the barrier theory. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. No. 6. Pp. 150—163. Available at: <http://en.vestnik.nspu.ru/article/2089>. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.12.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Zalizniak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008.]
- Йокояма 2005 — Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Iokoyama O. B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkii poryadok slov* [The cognitive model of discourse and the Russian word order]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I. I. *Sovremennyi russkii yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian. Word order and actual division of the sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Летучий 2014 — Летучий А. Б. Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2014. [Letuchii A. B. *Perekhodnost'*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Transitivity. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2014.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relationships with reality]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]

- Шведова 1964 — Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77—93. [N. Yu. Shvedova. Determining object and determining adverbial modifier as independent extenders of the sentence. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 6. Pp. 77—93.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of the Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2001.]
- Bhatt 1999 — Bhatt R. M. *Verb movement and the syntax of Cashmiri*. (Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 46.) Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1999.
- Dryer 2011 — Dryer M. S. The evidence for word order correlations: A response to Dunn, Greenhill, Levinson and Gray's paper in "Nature". *Linguistic Typology*. 2011. Vol. 15. Pp. 335—380.
- Dryer 2013 — Dryer M. S. Order of subject, object and verb. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/81>. Accessed on 2016.11.04.
- Gell-Mann, Ruhlen 2011 — Gell-Mann M., Ruhlen M. The origin and evolution of word order. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2011. Vol. 108. No. 42. Pp. 17290—17295. doi:10.1073/pnas.1113716108.